

Глава 1

Шэнь Юю казалось, будто он видит сон. В этом зыбком мареве стоял худощавый, изможденный юноша. Его взгляд, робкий и затравленный, метался из стороны в сторону. Он что-то пролепетал — едва слышное «прости», — и его силуэт начал таять.

— Постой!.. — он инстинктивно попытался преградить ему путь, но конечности словно были связаны, а в теле ощущалась странная слабость.

Не успел он договорить, как юноша, не оглядываясь, поспешил прочь и скрылся из виду. Шэнь Юй резко открыл глаза. Слова, застрявшие в пересохшем горле, вырвались хриплым шепотом:

— Торопишься на тот свет, что ли?..

Он горько усмехнулся. А ведь и вправду торопился — прямиком в его тело.

Хотя они едва перемолвились парой фраз, молодой человек точно знал: этот паренек только что поменялся с ним жизнями. Будучи любителем пофантазировать на досуге, Шэнь Юй сразу смекнул — это было «взаимное переселение». Вот только билет оказался в один конец, без права на возврат.

Самое паршивое — они не просто жили в разных местах, они принадлежали разным эпохам. Шэнь Юй даже не мог в последний раз взглянуть на свою прежнюю оболочку. Более того, он не просто попал в прошлое, а оказался внутри книги — типичного романа «об эпохе». И если бы ему досталась роль главного героя, это было бы еще полбеды, но нет — ему выпала участь несчастного пушечного мяса, существующего лишь для фона.

Тот юноша, его тезка Шэнь Юй, каким-то образом узнал о своем безрадостном будущем. Потрясение было настолько сильным, а смелости что-то менять так не хватало, что он решился на смерть. Видимо, его отчаяние тронуло какое-то высшее божество, и то даровало ему шанс на обмен.

Ему же самому «повезло» сорваться с высоты и оказаться на грани гибели. Его тезка, мельком взглянув на жизнь в двадцать первом веке, без колебаний согласился на сделку. У находящегося в коме Шэнь Юя никто согласия не спрашивал — так он здесь и очутился.

Да, его прежнюю жизнь нельзя было назвать сладкой. Отец — проходимец, мать — заядлая картежница. В день его рождения папаша уже три месяца как пропал неизвестно где, а матушка, несмотря на огромный живот, резалась в маджонг на деньги, взятые в долг. Даже когда начались схватки, она не пожелала бросать удачную раздачу и терпела до последнего, пока не объявила «самовыигрыш». От избытка чувств там же, за столом, и родила.

Став постарше, Шэнь Юй радовался, что мать не назвала его Шэнь Ху или Шэнь Цзымо.

Обоим родителям было плевать на ребенка. Иметь таких папашу с мамашей было хуже, чем быть круглым сиротой — по крайней мере, в государственном приюте детей кормили. В младенчестве Шэнь Юй едва не умер от голода. Выжил лишь благодаря добросердечным соседям: кто принесет чашку рисового отвара, кто — полплошки жидкой кашицы. Так и протянул, пока не научился сам добывать себе пропитание. Повезло еще, что он родился в эпоху всеобщего обязательного образования. Иначе его горе-родители ни за что не потратились бы на школу, и из него вырос бы очередной бродяга.

Голова раскалывалась от хлынувшего потока чужих воспоминаний и обрывочных сведений о книжном сюжете, но молодой человек все еще отказывался верить в происходящее. Кто-то другой на его месте, с таким-то прошлым, возможно, запрыгал бы от радости, получив шанс на новую жизнь. Но только не он.

Шэнь Юй с таким трудом прокладывал себе путь, долгие годы из кожи вон лез, терпел лишения, копил каждую копейку... И вот, наконец, внес первый взнос за собственное гнездышко. Пусть крохотное, пусть на окраине, но это было его жилье, заработанное потом и кровью. О родителях можно было не беспокоиться: отец давно сгинул, а мать больше десяти лет назад продала квартиру и подалась в бега, скрываясь от долгов.

У него был даже свой магазинчик — крошечный ларек, на покупку которого ушли все сбережения. Возможно, для кого-то это не бог весть какое достояние, но для владельца лавочки путь от нищего работяги до хозяина недвижимости был пределом мечтаний. Переселение душ кому-то кажется даром судьбы, но Шэнь Юй предпочел бы сохранить то малое, что уже имел, чем ставить на карту непредсказуемое будущее.

Однако выбора ему не оставили.

Тело было слабым. Он с трудом пошевелил левой ногой и спихнул пониже пахнущее плесенью ватное одеяло, добравшееся до самого носа. Затем, согнувшись, он осторожно потянулся к правой ноге.

Цела.

Ноги были сухими, почти без мяса, зато под кожей четко прощупывались кости. Прямые, крепкие, здоровые — совсем не то, что его собственная искалеченная конечность, с которой он мучился долгие годы. В восемь лет, когда он рылся в мусорном баке, за ним погналась бродячая собака. Он сорвался со стены и раздробил правую ногу. Денег на врачей не было, и кость срослась неправильно — с тех пор он хромал. Позже, когда появились средства, исправлять что-либо было уже поздно.

Юноша облегченно выдохнул, но так и не убрал ладонь с бедра. Даже в этой неудобной позе, которая лишь сильнее утомляла и без того больное тело, он не мог заставить себя отпустить её.

Что ж, обмен вполне честный. Вместо хромоты — здоровое тело, да еще и помолодевшее лет на десять. А его тяжким трудом нажитое добро... пусть остается тому мальчишке.

Шэнь Юй прикрыл глаза. Он родился сорняком и рос в суровых условиях, но и живучесть у него была соответствующая. Можно назвать это высокой адаптивностью, но на деле у него просто никогда не было права на капризы. Череда жизненных невзгод научила его смирению.

Он нашел в себе силы приподняться. Садясь, он привычно ссутулился, как это делал прежний хозяин тела, но все равно едва не впечатался макушкой в потолок. Шэнь Юй бесстрастно огляделся. Даже он, которому доводилось ночевать под мостами и в подземных переходах, не смог сдержать брезгливой гримасы.

Это место трудно было назвать комнатой. Все пространство не превышало трех кубических метров. Потолок нависал прямо над головой — стоило выпрямиться, и удар неизбежен. Вместо кровати — настеленные деревянные доски, поверх которых лежала жесткая проплесневелая подстилка. Гордое название «чердак» на деле означало закуток, наспех сколоченный из досок под самым потолком комнаты. Вот и всё пристанище прежнего Шэнь Юя.

Что ж, теперь оно принадлежит ему.

Вдоль «кровати» тянулся узкий проход шириной в полметра, отгороженный от остального мира вертикальной доской. В ногах виднелся лаз — единственный выход наружу, завешенный драным тряпьем вместо двери. Окон здесь не было, и этот лаз служил единственным источником света. Благодаря лучам, пробивавшимся по краям занавески, молодой человек смог разглядеть скудное убранство своего нового жилища.

В изголовье стоял обшарпанный деревянный ящик без крышки. Он откинул прикрывавшую его ветошь — внутри лежала одежда и всякий хлам. Рядом с ящиком высилась стопка книг, а чуть поодаль стояли заношенные матерчатые туфли с аккуратной латкой на большом пальце.

Шэнь Юй тяжело вздохнул. Эти условия были куда хуже подземных переходов его прошлого — те, по крайней мере, были просторнее и чище. Гнать от себя унылые мысли было бесполезно, но он все же постарался сосредоточиться на деле. Согнувшись в три погибели, он осторожно пополз к изножью.

В полумраке угла ничего не было видно. Он нащупал стену, вплотную прилегавшую к доскам, и стал водить по ней пальцами. Вскоре он наткнулся на глубокую щель. Засунув туда мизинец — самый тонкий палец, — он принялся шарить внутри. Шершавый камень царапал кожу, вызывая тупую боль, но он не останавливался.

Наконец кончик пальца коснулся чего-то инородного. Он с облегчением выдохнул и принялся потихоньку выуживать находку. Это был плотно скатанный сверток из нескольких купюр и талонов — единственное достояние прежнего хозяина тела. И теперь — единственный капитал самого Шэнь Юя.